

ЛЮДВИГ ЛАНДГРЕБЕ

ПРОБЛЕМА ПАССИВНОГО КОНСТИТУИРОВАНИЯ*

Рассмотрение проблемы пассивного конституирования и пассивного синтеза является в значительной степени решающим для понимания гуссерлевской феноменологии как [своего рода] трансцендентальной философии. В связи с этим затрагивается тот момент, в котором трансцендентальная феноменология принципиальным образом отличается от кантовского трансцендентализма. Отношение феноменологии к этой традиции не только выступало предметом многочисленных споров, оно различно и среди самих феноменологов. Еще в 1959 г. Ойген Финк¹ обратил внимание на то, что понятие конституирования колеблется между «смысло-образованием (Sinnbildung) и сотворением».² Вместо термина «смысло-образование» можно использовать также термин «апперцепция», т. е. постигающее схватывание и понятийное определение чего-то данного *как* такового. Из такого колебания значения «конституирования» следует, что гуссерлевское понятие «всеохватывающая жизнь» («*allumspannendes Leben*») **осталось также не проясненным. В этом содержится намек на гуссерлевское рассуждение о «трансцендентальной жизни», которое в поздний период особенно привлекало его. Лишь когда на эти вопросы будут даны ответы, станет понятно, что, собственно, представляет собой «трансцендентальная субъективность». В отношении этого [понятия] также еще не достигнуто общего согласия. Если в дальнейшем это слово будет употребляться, то оно должно быть, следовательно, поставлено в кавычки, чтобы показать, что речь идет не о хорошо известном предмете, а о проблеме.**

Последующие замечания должны быть поняты в качестве вклада в прояснение [вышеобозначенной проблемы]. Они не претендуют на оригинальность, но, скорее, исходят из тех исследований, которые были уже предприняты до настоящего момента для прояснения этой проблемы, и мы попытаемся их обобщить, чтобы в дальнейшем

* Перевод выполнен по изданию: *Landgrebe L. Faktizität und Individuation. Studien zu den Grundfragen der Phänomenologie*. Hamburg: Meiner, 1982. S. 71-87. — *Прим. пер.*

¹ Один из учеников и последователей Э. Гуссерля в Германии, наравне с О. Беккером, А. Пфендером, Э. Штайн, М. Шелером, Л. Ландгребе, Д. Гильдебрандом и др. — *Прим. пер.*

² *Problèmes actuels de la phénoménologie* // Desclée de Brauer. 1952. P. 53 ff.

сделать из этого свои выводы. Станет ясно, что колебание понятия конституирования между смысло-образованием (апперцепцией) и сотворением не может быть устранено посредством более точного его прояснения, ибо оно имеет основание в «самих вещах» («Sache selbst»). В учении о конституировании должны быть, следовательно, усмотрены те пункты, в которых это колебание значения становится очевидным и переход от одного аспекта [значения] к другому востребованным; и насколько, тем самым, является оправданным понимание конституирования не только как смысло-образования, но и как сотворения. Конечно, в основе этого утверждения лежит некоторая *интерпретация*, которая берется ответить на вопрос, самим Гуссерлем не обозначенный, но ответ на который можно найти в его текстах. Ровно столько, пожалуй, следует сказать во вступлении о задаче предлагаемого исследования.

Где обнаруживается у самого Гуссерля это колебание понятия конституирования? Без сомнения, не в анализе феноменов *активно-го* конституирования и синтеза, которые суть исполнения (*Leistungen*) позиционирующего (*stellungsnehmenden*) Я. Ясно, что они должны быть поняты не в смысле сотворения, но как апперцептивное смысло-придавание (*Sinngebung*). Речь об «исполнениях» Его имеет здесь свое вполне понятное значение. Но *двусмысленность понятия конституирования проявляет себя в отношении к пассивному конституированию* и пассивному синтезу, который предшествует всякому активному конституированию и выступает в качестве его условия. В этом смысле Гуссерль говорит о нем также как о до-конституировании (*Vorkonstitution*).

Однако при этом следует отличать в самом понятии пассивности *вторичную* пассивность от *первичной*, некой «пра-пассивности» («*Urpassivität*»). **Все, что когда-то было активно конституировано, становится «приобретением» («Erwerb») Я, которым оно снова может воспользоваться.** Эта вторичная пассивность не должна приниматься во внимание, поскольку она относится к конституированию как смысло-образованию, и наше рассмотрение должно касаться исключительно первичной пассивности.

Для этого вначале следует выдвинуть три тезиса, которые в дальнейшем должны быть обоснованы:

- «Глубинное измерение» («*Tiefendimension*») процесса конституирования не может быть схвачено феноменологической рефлексией.
- Функции телесности (*Leiblichkeit*) принадлежат функциям пассивного до-конституирования и вместе с ними «трансцендентальной субъективности».

- Протекающее прото-событие (**das urströmende Geschehen**) «трансцендентальной субъективности» должно пониматься как креативный процесс. Точное значение [термина] сотворение обнаруживается в результате феноменологического анализа этого процесса.

Начнем с пояснения первого тезиса, который гласит: «Глубинное измерение» (*«Tiefendimension»*) процесса конституирования не может быть схвачено феноменологической рефлексией. Этот тезис не нов. Он был обстоятельно обоснован Клаусом Хельдом³ в его книге «Живое настоящее».⁴ Для начала следует лишь, кратко резюмировав, представить результаты этого исследования.

Под глубинным измерением первичной пассивности Гуссерль понимает пра-начальные синтезы сознания времени, в которых Я (*das Ich*) конституирует себя как темпоральное (*zeitliches*) и приходит к сознанию себя самого как потока сознания. В сущности, именно это самоконституирование Я в его временности (*Zeitlichkeit*) становится для Гуссерля определенным образом проблемой лишь в поздних размышлениях начала тридцатых годов. Большую часть текстов, имеющих решающее значение в отношении этой проблемы, составляют неопубликованные манускрипты, на которые Хельд ссылается в своей книге.

Мы начнем с одной записи, [датированной] 1931 годом: «Неким фундированным интенциональным исполнением выступает универсальная жизнь сознания, иными словами, Я-сознание, которое проходит сквозь трансцендентально-имманентное время как «поток сознания».⁵ Лишь в обнаружении этих исполнений феноменологическая редукция достигает последнего основания возможности опыта вообще. Как это основание определяется Гуссерлем, свидетельствует следующее его положение: «Если мы рассматриваем саму эту трансцендентальную жизнь, это трансцендентальное Ego, или если я рассматриваю себя так, как если бы я должен предполагаться в качестве условия всех моих предрассудков, всего для-меня-сущего, как первичное условие для их бытийного смысла, то я обнаруживаю себя как текущее настоящее».⁶

³ Известный немецкий философ, интерпретатор феноменологии, один из хранителей огромного наследия Э. Гуссерля наряду с Г. Л. Ван Бреда, В. Бимелем, И. Керном, У. Клесгесом, Р. Соколовски, Б. Вальденфельсом, Э. Штрёкер, Э. Холенштайном, П. Янсенем и многими другими. — *Прим. пер.*

⁴ *Phaenomenologica*. Bd 23, 1966.

⁵ Ms. C 2 I, vgl. Held. S. 66.

⁶ Ms. C 3 III, 1931, nach Held. S. 67.

Это «изначальное текущее живое настоящее»⁷ («*kurtümlich strömende lebendige Gegenwart*») есть то, к чему сводится феноменологическая редукция на своей последней ступени.

Едва ли возможно здесь следовать подробному анализу Хельда живого настоящего и раскрытию его «загадок». Следует лишь сказать: в ранних произведениях, включая «Первую философию», Гуссерль избегал рассмотрения этого глубинного измерения, снова и снова откладывая [его]. Однако *оно* есть таково, что в сущности лишь и оправдывает речь о трансцендентальной субъективности как о некоей абсолютной [субъективности]. Это последнее функционирующее Я (*das letztfungierende Ich*) абсолютно постольку, поскольку оно является первоосновой для всех на нем выстраивающихся конститутивных исполнений. Оно есть абсолютное основание для всякого встречающегося трансцендентного, поскольку без него никакой интенциональный опыт не может быть исполнен.⁸ В этом смысле оно является «пра-феноменом, в котором все, что может быть названо феноменом, в некотором смысле всегда имеет свой источник. Оно есть пребывающе-текущее самоприсутствие (*stehend-strömende Selbstgegenwart*), иными словами, оно присутствует для самого себя как текущее абсолютное Я в его пребывающе-текущей жизни».⁹

Если учесть эту характеристику последнего функционирующего Я как абсолютного, то станет ясно, почему можно с полным правом задать вопрос, в каком смысле здесь говорится о конституировании: [в смысле] смысло-придавания или сотворения? Означает ли [слово] «источник» основание всех конституирующих функций допущения-явиться (*Erscheinenlassen*) данному, или [оно означает] основание самого данного? Говоря по-другому: означает ли здесь источник необходимое условие возможности или достаточное основание? В последнем случае это глубинное измерение конституирующих исполнений было бы абсолютным в том смысле, в котором метафизика всегда говорила об абсолютном. Но этот вопрос должен быть сейчас отложен.

Следует исходить из того, как изменяются высказывания Гуссерля об этом абсолютном событии (*Geschehen*) **временения** (*Zeitigung*) трансцендентальной субъективности, иногда [они] даже весьма противоречиво звучат. Эти исполнения конституирования (*Konstitutionsleistungen*)

⁷ Ms. C 7 II, 1932.

⁸ Vgl. Held. S. 68.

⁹ Ms. C 7 II, 1932, nach Held. S. 70.

являются пассивными, что Гуссерль для начала разъясняет следующим образом: «Пассивность означает, стало быть, что здесь без действия самого Я поток (Strom) совершается, даже в том случае, если Я бодрствует и является действующим Я. Поток свершается не из некоей активности Я, как если бы оно было направлено на то, чтобы совершать течение (das Strömen), как если бы оно совершалось из некоей активности».¹⁰ Этим, казалось бы, сказано следующее: исполнения этого пассивного до-конституирования, временение течения не могут быть рассмотрены как Я-исполнение (Ich-Leistung). Немного позже эта мысль будет уточнена: «Временность есть в любом отношении Я-исполнение (Ichleistung)... но это не означает, что это овременение-переживания (Erlebnis-Verzeitlichung) постоянно задействуется... можно видеть, что если бы постоянное течение в себе как поток всегда уже имело бы действительную интенциональность (можно сказать здесь активную), то мы ушли бы в бесконечный регресс». Гуссерль далее заключает: «Повторное вопрошание должно здесь все прояснить. Поток *a priori* должен овременяться из (последнего функционирующего) Ego; это овременение (Verzeitlichen) является само текущим; течение всегда впереди (im voraus); но Я также всегда впереди».¹¹

«Загадка» живого настоящего, стало быть, в следующем: «Всё протекающее прото-событие не есть безжизненное событие (что должно быть названо чуждым для Я), напротив, яйное «исполнение» (ichliche «Leistung») есть наивнутренний двигатель».¹² Об этом мы можем прочитать во второй книге «Идей»¹³ (с. 252): «Я возникает первоначально не из опыта — в смысле ассоциативной апперцепции, в которой конституируется единство многообразия связей, но из жизни (она есть то, что она есть, не для Я, но само Я)». Ясно, что здесь можно говорить об исполнении не в смысле активного исполнения, ибо «активность вообще имеет как таковая свои предпосылки, условия своей возможности,

¹⁰ Ms. C 17 IV, 1930, nach Held. S.100.

¹¹ Ms. C 17 IV, 1932.

¹² Ms. C 10, 1931.

¹³ *Идеи II* оставались долго неизвестными широкой публике. В 1925 г. Л. Ландгребе сделал машинописный экземпляр книги на основе рукописи, подготовленной Э. Штайн в 1917 г. Этот вариант был использован позже М. Бимелем при подготовке IV тома *Гуссерлианы*. Книга носит название «Феноменологические исследования конституции» (Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution), таким образом, проблема «конституции» является центральной темой данной книги. — *Прим. пер.*

которые сами не вытекают из активности».¹⁴ «В пред-временении (Vorzeitigung) в изначально пассивном допущении протекания (Strömenlassen) обнаруживается анонимный смысл бытия, который еще не является различенным»¹⁵, и лишь позднее в феноменологической рефлексии, как уже имевший место, может быть проявлен.

Гуссерль вполне отдает себе отчет в сложностях постижения «пра-феномена»; он не забывает также и того, что вся рефлексия есть обнаружение-после (Nach-Gewahren) и вместе с тем некое опредмечивание (Gegenstand-Machen), некая «онтификация». Он ставит возможность постижения этого пра-феномена вообще под вопрос: «предметно-ставшее, воспринятое настоящее, ставшее целевым пунктом (противоположным полюсом) некоего [исходящего] из Я, из Я-полюса на него направленного акта, есть предметно в некоем сознании, некоем акте, который сам предметно не осознается. То, что мы, таким образом, претендуем обозначить «пра-феноменальное настоящее» как последнее сущее, как пра-сущее, оказывается [возможным] потому, что оно для нас есть феномен, не самое последнее (das Letzte)».¹⁶ Тем самым следует признать, что «удивительное для-меня-самого-бытие (Für-mich-selbst-sein) в живом настоящем»¹⁷ не может стать феноменом для себя самого. Оно станет [феноменом] только тогда, когда превратится в объект рефлексии и вместе с тем «онтифицируется»; дело в том, что рефлексия направляется на то, что уже имело место быть; она есть некое обнаружение-после некоего фунгирования (Fungieren), которое как фунгирование само по себе, как это «оно само» посредством рефлексии не добывается, так как в миг рефлексии фунгирование уже всегда стало другим, а именно, оно [стало] осуществлением (Vollzug) рефлексивного акта, который сам для себя при этом не является предметным. Здесь, таким образом, была бы достигнута последняя граница того, что вообще в своем само-бытии (Selbstsein) достижимо посредством рефлексии.

Как тогда обстоит дело с аподиктической самодостоверностью трансцендентальной субъективности в отношении к последнему основанию всех ее активных и пассивных исполнений? До этого вопроса доводят размышления Гуссерля. Но вопрос остается без ответа; никакого ответа на то, почему вообще имеет место основание для права выно-

¹⁴ Ms. C 2 I.

¹⁵ Ms. B III 4, 1933, nach Held. S. 103.

¹⁶ Ms. C 2 I, 1931, nach Held. S. 113.

¹⁷ Ms. C 3 III, nach Held. S. 115.

суть суждения о пра-феноменальной сфере. Хельд ссылается на «успокаивающие высказывания», с помощью которых этот вопрос обходится. Эти исполнения якобы могут стать аподиктически очевидными как такие, которые уже всегда имели место быть. Как «не-временное» и «над-временное Я» знаю я себя как тождественное тому, которое сейчас рефлектирует, и которое совершило эти уже выполненные исполнения, над которыми оно рефлектирует. Оно есть «нечто «единственное в своем роде особенное» («ein einzigartig Eigenes»), что и означает здесь тождественность исполнителя».¹⁸ Следовательно, некая определенная тождественность могла бы быть аподиктически несомненной для самой себя, но при этом, однако, само фунгирование, которое ей позволяет прийти к тождественности, не может схватить в рефлексии. Но как тогда эта тождественность, которая достигает аподиктической достоверности своего бытия в осуществлении редукции, вообще может быть определена, если ее бытие находится в ее глубинном измерении пра-пассивного допущения-протекания (Strömenlassen), в котором являет себя некий абсолютно анонимный бытийный смысл (Seinssinn)? Возможно ли вообще снять эту абсолютную анонимность? Может ли Я в своем фунгировании, используя фихтевское выражение, поймать себя на месте преступления? И если это фунгирование вообще высказываемо, насколько оно может быть тогда обозначено в качестве трансцендентальной субъективности?

Именно в этом смысле Рихард Цанер ставил вопрос в своем выступлении на коллоквиуме «Брентано, Гуссерль и феноменологическая психология» на философском конгрессе в Вене: Идентична ли трансцендентальная субъективность трансцендентальному сознанию, трансцендентальному Его, индивидуальности и сфере собственного (Eigensphäre)? Эти вопросы в последующем он развил в «Problem of Embodiment»¹⁹ в дискуссии с Мерло-Понти.

Кем или чем является, стало быть, эта «трансцендентальная субъективность»? Что означает ее абсолютность и в каком смысле может быть понят ее «процесс исполнения» («Leisten»)? Можно ли его понимать исключительно как конституирование в значении смыслообразования, если пассивный до-конституированный «бытийный смысл» выступает в качестве абсолютно анонимного смысла, который как таковой уклоняется от любого апперцептивного опредмечивания

¹⁸ Ms. C 10, nach Held. S. 118.

¹⁹ Phänomenologica. 1964. Bd 17.

(*Vergegenständlichung*) (любого смысло-придавания), поскольку рефлексия над ним уже всегда «онтифицирует» его? Или же это пассивное прото-событие должно пониматься как сотворение, но что в таком случае означает сотворение?

Чтобы найти путь к ответу на все эти вопросы, мы должны более внимательно отнестись к тому, что принадлежит к этому протекающему прото-событию, в котором субъективность конституирует себя саму в своем овременении. Тем самым мы переходим к объяснению и обоснованию *второго тезиса*, который гласит:

«Функции телесности (Leiblichkeit) сами принадлежат функциям пассивного до-конституирования и вместе с ними «трансцендентальной субъективности»; таким образом, тело не только конституировано, но также является конституирующим.

Вот [еще] один вопрос, на который требуется ответить: как должна мыслиться телесность, чтобы она могла пониматься как конституирующая и не только лишь как конституированная? Только после того, как мы ответим на этот вопрос, мы можем обсудить вместе с третьим тезисом вопрос о том, что следует из этого для понятия исполнений конституирования и трансцендентальной субъективности.

Для начала остановимся на первом вопросе: в какой мере функционирующая телесность принадлежит пассивному пра-конституированию как исполнению трансцендентальной субъективности, ведь ее глубинные исполнения, «глубинное измерение», являются синтезами ее темпорального само-конституирования? Как темпоральное само-конституирование и телесность соотносятся друг с другом?

Вначале может показаться, как если бы все понятия о конститутивных исполнениях время-образования (*Zeitbildung*) были бы лишь понятиями одних только *форм* деятельности (*Funktionsformen*), которые нуждаются в некоем заданном содержании, чтобы вообще прийти в движение. В лекциях о сознании времени это содержание понимается Гуссерлем как гилетическая данность, которой соответствует праимпрессиональное сознание. Такое же значение гиле как бесформенного материала [мы находим] в «Идеях». В этом смысле Соколовски²⁰ говорил о функциях, конституирующих время, как о голых формах, деятельность которых зависела бы от заданной реальности. Однако, напротив, следует обратить внимание на то, что это понятия гиле и соответствующей ей изначальной импрессии позже было отброшено. Так,

²⁰ The Formation of Husserl's Concept of Constitution // *Phänomenologica*. 1964. Bd 18.

в «Кризисе» Гуссерль говорит, что «при вопросе о последнем и глубочайшем источнике верификации всего «чистого» опыта нельзя тотчас обращаться к якобы непосредственно данным «чувственным датам» («Empfindungsdaten»), как если бы *они* были тем, что непосредственно характеризует чисто наглядные данности жизненного мира».²¹

Как это уточнение учения о гиле проистекает из анализа кинэстетического (*kinästethischen*) сознания, показал Клесгес в [своей книге] «Гуссерлева теория конституирования пространства»,²² чтобы затем поставить вопрос, какие выводы, не обозначенные самим Гуссерлем, могли бы быть сделаны при пересмотре соотношения мунданной (*mundane*) и трансцендентальной субъективности и при определении понятия трансцендентальной субъективности.

Что касается соотношения гиле и кинэстетических функций, то рассматривается оно Гуссерлем в первом обсуждении кинэстетического сознания в «Идеях II» только лишь [с точки зрения] его значения для конституирования объекта восприятия, но не с точки зрения его значения для темпорального само-конституирования Я. Дело в том, что учение о конституировании в «Идеях» статично, и поэтому вопрос о генезисе еще не был включен [в рассмотрение]. Но эта проблема уже была затронута в «Идеях II» в анализе конституирования персонального Я (*das personale Ich*). Гуссерль ограничился здесь всего лишь замечанием, что все способности Я, к которым относятся также и кинэстетическая способность, в конечном счете «восходят к пра-способностям субъекта».²³ Гуссерль вполне осознавал, однако, границы этого анализа, на что указывают его критические заметки на полях текста, которые касаются его незавершенности и, в особенности, открытости проблемы «начала», так сказать, происхождения всех этих исполнений.²⁴

Что, однако, означает, что чувственные даты не должны рассматриваться как нечто непосредственно данное? В манускрипте С 7 I эта проблема сформулирована Гуссерлем в виде вопроса, который Агирре²⁵ взял в качестве эпиграфа к своей книге «Генетическая феноменология и

²¹ Husserliana Bd. VI. S. 127.

²² Phänomenologica. 1964. Bd XVI.

²³ Husserliana. Bd IV. S. 255.

²⁴ а.а. О. S. 250, 255.

²⁵ Антонио Агирре — известный феноменолог, автор раздела об *Идеях I Э*. Гуссерля в книге *Главные сочинения философии XX века* (Hauptwerke der Philosophie des 20 Jahrhunderts. Stuttgart, 1992). — *Прим. пер.*

редукция»,²⁶ чтобы тем самым обозначить тему [своей книги]: «Я нуждаюсь всегда в двух вещах: [с одной стороны,] в области протекания переживаний, в пределах которой постоянно [находится] поле первоначальной импрессии, затухающее в ретенции, [имеющее] впереди протенцию, с другой стороны — в Я, которое из этой [области] аффицируется и побуждается к действию. Но не является ли первоначальная импрессивность уже апперцептивным единством, неким нозматическим [единством, происходящим] из Я, и не приводит ли переспрашивание всегда вновь и вновь к апперцептивному единству?» Этим обозначается та же проблема, что и в уже ранее цитировавшемся отрывке: «Течение уже всегда впереди; но Я также уже всегда впереди». В лекциях по феноменологической психологии²⁷ Гуссерль говорит о «внутреннем сознании времени, конституирующем чувственные даты», которое является фунгирующим для нового, более высокого уровня сознания схватывания. Он указывает также на то, что аффектация уже имеет структуру «формы и содержания».²⁸ В таком случае, более не имеет силы дистинкция между гиле как бесформенным материалом и оживляющим схватыванием (*Auffassung*) как **формой**, поскольку гиле, понятая как ощущаемое в ощущении, сама не есть непосредственно данное, но [,напротив,] опосредована конституирующими исполнениями темпорализации. В *Картезианских Медитациях*²⁹ Гуссерль также говорит о «пассивном синтезе, доставляющем весь материал».

Каковы эти исполнения? Прежде всего, это ретенция и протенция в их синтезе с текущим настоящим. Но, когда говорят таким образом, то основываются на некоей абстракции, в которой не принимается во внимание то, что синтезируется изначально в этих синтезах временения (*Zeitigung*). Это *что* называется Гуссерлем в лекциях о сознании времени, в кажущейся вполне само собой разумеющейся речи, импрессивной или же пра-импрессивной данностью. В качестве примера берется данность звука, который конституируется в его длительности в затухании. Однако — но это там еще не стало темой обсуждения — данность звука (*Tondatum*) дана нам только в прислушивании таким образом, что она может стать для нас темой. И это не просто внутренний акт внимания, он предполагает уже заранее предшествующую кинэстезу, [такую

²⁶ Phänomenologica. 1970. Bd XXXVIII.

²⁷ Husserliana XI, Beilage XIV. S. 424.

²⁸ а.а.О. S. 479.

²⁹ Husserliana I. S. 112.

как] поворот головы [в сторону звука]. Это можно еще проще пояснить в отношении движения глаз и соответствующих ему оптических данных. Об этом в лекциях ничего не говорится. Пассивные синтезы сознания времени еще не сводятся там с кинэстетическими синтезами. Но если попытаться это сделать, то получается следующее: *без импрессий нет исполнений, конституирующих время, и без кинэстетизисов нет импрессий*. Они [импрессии] относятся к соответствующему кинэстетическому полю, которое скоординировано с чувственными способностями. Живое текущее настоящее есть всегда пра-импрессиональное настоящее. Это, следовательно, означает, что *пра-импрессиональное уже всегда есть синтетическое единство*, произведенное в пассивных синтезах ассоциации и контрастирования. Только в них выявляются единичные даты и можно потом, отвлекаясь от исполнений, позволяющих им появиться, рассмотреть их изолированно. Но *in concreto* их появление опосредовано теми пассивными синтезами, которые в свою очередь конституированы во внутреннем сознании времени. Таким образом, можно вместе с Клесгесом сказать, что «кинэстетическое сознание есть сознание времени».³⁰ Агирре высказывается по этому поводу следующим образом: «Гиле возникает из меня самого».³¹ А именно, оно возникает из кинэстетического процесса, без которого не было бы никакого живого текущего настоящего, которое может быть помыслено не иначе, как пра-импрессиональное. Изначально Я пробуждается посредством аффектации. Некое бодрствующее Я без импрессий не представимо. Но не означает ли это, что субъективность как трансцендентальная [субъективность] обязана своим аффектациям самой себе? Тогда ее конститутивные исполнения были бы креативными.

Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к одному высказыванию Гуссерля: «Любые чувственные даты являются конституирующими себя в сознании наиболее сложным способом (в первичном сознании временности). Любой Я-акт и любое «Я аффицируюсь [источником] раздражения» есть некое переживание (*Erleben*), которое мыслимо только как из Я проистекающее и как на-него-направленное (*Auf-es-gerichtet-sein*), и мыслимо только в общей связи монады».³² Если мы теперь предположим, что все аффектации являются первично аффектациями органов чувств, как органов моего тела, и что все кинэ-

³⁰ а.а.О. S. 120.

³¹ а.а.О. S. 167.

³² *Phänomenologische Psychologie*, Beilage XXVII. S. 468.

стетические движения являются условиями, при которых аффектация органов чувств становится возможной, то из этого следует, что *телесность должна пониматься не только лишь как конституированная, но и как конституирующая*. Она есть система способностей-возможностей (Vermöglichkeiten), которой подчинены соответствующие чувственные поля, и принадлежит как таковая к трансцендентальной субъективности. То, чем даны для меня вообще могут стать, уже установлено посредством организации чувственных полей, относящейся к телу (leibbezogen). В этом смысле гиле возникает «из меня самого».

Чтобы это понять, следует для начала спросить: как осознается мною первоначальным образом моя телесность, так что я могу говорить о ее функциях как о конституирующих? Это есть, как Гуссерль пояснил уже в «Идеях»,³³ сознание «Я-могу» («Ich-kann»), сознание «мочь-управлять» («Walten-können») в теле: **Я могу делать это и это; следовательно, это также некое практическое сознание.**

Однако — можно было бы возразить — не является ли это сознание-можествования (Könnensbewußtsein) уже конституированным [сознанием], поскольку оно совпадает с обнаружением движения, которое приводится в действие посредством деятельности моей способности, например, я вижу свою руку, [что-то] держащую. Тем самым, она [рука] конституирована уже как предмет моего восприятия. Не предполагает ли уже, стало быть, мое осознание (Innewerden) движения, мною вызванного, конституирование тела (Leibkonstitution)?

Но следует учесть, что тело есть *мое* тело, лишь поскольку его органы должны быть поняты как совокупность (Inbegriff) того, что я всегда непосредственно могу иметь в своем распоряжении. Правда, можествование-распоряжаться (Verfügenkönnen) имеет место уже прежде сознания его. Тело генетически овладевается лишь постепенно как имеющееся в распоряжении. Так, Гуссерль пишет в «Идеях II» (с. 261): «Первично «Я совершаю движение» предшествует «Я могу». Следовало бы добавить, что сознание-можествования «управления-в-теле» («Walten im Leibe») также генетически предшествует развитому Я-сознанию: «Открытие *моего* (des *mein*) предшествует открытию Я (des *Ich*)».³⁴ Это значит, что его спонтанность, которая позволяет говорить о некоем «Я» как его исполнителе, является еще не раскрытой, но уже управляющей

³³ Особенно популярными в современном гуссерлеведении стали разделы *Идей II*, посвященные проблеме конституирования особого вида реальности — человеческого тела (Leib). — *Прим. пер.*

³⁴ Ideen II. S. 258. Anm. vgl. auch dort 253 und 338 ff.

из своего укрытия. Только в этом смысле имеют силу слова: «Я также находится впереди».

Какого рода это «знание» или «осознанность» («*Innesein*»), имеющее место быть до обнаружения Я-сознания? Оно предшествует рефлексии и является единым с исполнением (*Vollzug*) кинэстезисов как некое удовлетворенное или неудовлетворенное «чувство-тела» («*Leibgefühl*»). Выражение «чувство-тела», однако, не совсем точное потому, что оно подразумевает нечто «внутреннее» («*Innerliches*»), где некая знающая себя внутренность (*Innerlichkeit*) еще вовсе не дана. Хайдеггеровское понятие «расположенности» (*Befindlichkeit*) могло бы эту осознанность более точно охарактеризовать, поскольку оно не есть всего лишь «чувство», но указание на центральное положение по отношению к тому, что [меня] аффицирует и на что направлено кинэстетическое движение. В этом смысле оно есть *первое раскрытие мира*. Оно предваряет рефлексии и не может быть рефлексивно доставлено ко взгляду в непосредственности его исполнения; ибо, как мы уже видели: рефлексивно опредмеченное исполнение никогда не может быть непосредственно совершающимся. *Это позволяет нам понять больше о мире и о нашем положении в мире, которое может быть рефлексивно схвачено.*

Далее невозможно вывести, что каждый раз имеется такой центр спонтанности. Но из этого [не следует, что] он не имеет места, но что он соотнесен с трансцендентальным ходом события, в котором мир «доставляет» нам себя в качестве образа в имманентности «трансцендентальной субъективности». Гуссерль говорит в этом смысле уже в «Идеях II» о «под-основе-природы» («*Untergrund von Natur*»), проявляющей себя в телесности как некий пассивный структурный момент самой конституирующейся трансцендентальной субъективности, или о «природной стороне» («*Naturseite*») субъективности. В «Первой философии»³⁵ также речь идет об «абсолютном бытии каждого Его в себе и об абсолютном бытии каждого Я-Ты-отношения и каждого, от некоего Я к другому или ко множеству других направляющегося отношения-общности (*Gemeinschaftsbeziehung*), индекс которого называется пассивной природой».

Но как должна тогда пониматься трансцендентальная субъективность, чтобы она имела природу не как нечто другое, ей противостоящее, но сама имела бы некую «природную сторону», и что означает тогда конститутивное исполнение?

³⁵ Husserliana VIII. S. 506.

С этим мы переходим к обоснованию *третьего тезиса*: *Протекающее прото-событие [das urströmende Geschehen] «трансцендентальной субъективности» должно пониматься как креативный процесс.*

Следует прежде всего прояснить, что означает речь о «природной стороне» трансцендентальной субъективности. Она должна пониматься как указание на то, что мы знаем о природе вообще только в [тех] границах, в которых она находится в отношении к телесно-кинэстетическим конститутивным исполнениям. Мы не можем, стало быть, о ней ничего другого и ничего более знать, она не может быть для нас ничем другим, кроме как тем, что «проявляет» себя в этом телесном событии (*Geschehen*). Все наше знание об этом событии, которое объемлет нас самих как телесных, и все наши слова, с помощью которых оно именуется, так же как и все теории, построенные, чтобы его объяснить, в их последнем смысле относятся к нему. Это событие переживается как такое, которое некоторым образом пронизывает наше тело и тела других, с которыми мы разделяем этот мир. Но с самого начала оно отличается для нас как такое, которое мы можем иметь в своем распоряжении в известных границах в качестве *нашего* телесного кинэстетического [события], и как таковое, оно, аффицируя, приближается к нам и в непосредственности своего приближения нам не дано в распоряжение и в этом смысле является «*внетелесным*». Но оно кажет себя нам как такое, которое неотделимо оказывается связанным с тем, что каждый в качестве *своего* тела может пережить. Если это событие, стало быть, выходит за пределы моего тела и объемлет его, тогда также *гиле не есть нечто, что имеет свое основание в некоем совершенно другом, ей чуждом* (как в случае с Кантом, который употребляет слово материя для обозначения незнаваемого основания чувственности), но она *принадлежит к имманентности трансцендентального становления.*

Насколько, следовательно, феноменальная телесность сама конституирована и насколько принадлежит она к конституирующим функциям трансцендентальной субъективности? *Конституирующими являются переживания-тела (Leiberlebnisse)*, мое сознание умения (*Können*) как управления в теле, но *схваченное тело является конституированным*. Но так как конститутивные исполнения могут быть раскрыты только в рефлексии как некоем обнаружении-после, и так как рефлексия происходит только в языковой артикуляции, пратечение как некий креативный процесс не доступно в смысле постигающего и определенного высказывания. Оно уклоняется от рефлексивного обнаружения. Оно есть по ту сторону внутреннего и внешнего, по ту сто-

рону субъектно-объектного, духовного и материального, формы и материи, всего того, что, говоря вместе с Кантом, относится к понятиям рефлексии. Оно может быть, следовательно, названо вслед за Агирре *индифферентностью*.³⁶ Но эта индифферентность не та, которая подобна «ночи, в которой все коровы черные» (Гегель), так как принимая во внимание то, что конституирует протекающее прото-событие, возможно сделать высказывания о том, как оно должно необходимо мыслиться, и негативно, как оно не может быть мыслимо, если его со своей стороны следует понимать как основание, само не имеющее основания и, так сказать, как нечто абсолютное. В этом смысле оно есть креативный процесс.

Что тогда означает загадочно звучащая фраза Гуссерля: «течение всегда впереди, но Я также всегда впереди»? Она указывает на то, что это течение не может пониматься как некое диффузное событие, из закономерности которого, чем бы его ни признавали, закономерностью «природы» или «общества», могла бы быть объяснена индивидуация, но что оно [течение], чтобы вообще как таковое мочь быть, *должно уже нести в себе принцип обособления (Vereinzelung)*. В этом смысле Гуссерль может говорить о монадологии как о некой трансцендентальной истории, которая телеологически направлена на то, чтобы прийти к сознанию самой себя. Хотя процесс и является анонимным и в его первичном исполнении не может быть доставлен ко взгляду рефлексии, но допустимо сказать о нем, что он не может породить индивидуацию; напротив, чтобы *быть* таким процессом, предполагается уже такая организация, которая затем каждый раз может переживаться как «мое тело» и «мое, ему принадлежащее Я». *Субъективность, следовательно, не индивидуируется через тело*, как это полагал Мерло-Понти; так как для того, чтобы вообще имелось тело, требуется условие, что кто-то им владеет и научается иметь его в своем распоряжении еще до того, как открыл себя в качестве Я. Не тело открывает себя как Я, как это также формулирует Линшотен,³⁷ но каждый раз Я открывает собственное тело. В этом смысле вполне оправдана речь Гуссерля о «чистом Я», о котором он, однако, говорит, что оно может быть названо Я эквивокально. Эта речь [о чистом Я] показывает себя как *окольный способ выражения [Verlegenheitsausdruck] об абсолютном принципе индивидуации*. Он есть «чистый» [принцип], потому что он не может пониматься как телесный,

³⁶ а.а.О. S. 163.

³⁷ Auf dem Wege zu einer phänomenologischen Psychologie. Berlin, 1961. S. 237.

но [напротив] является условием того, чтобы нечто могло быть в качестве моего тела.

Однако Я открывает себя само лишь в некотором трансцендентальном генезисе в качестве трансцендентальной истории. Оно пробуждается посредством аффектации. По этому поводу Гуссерль пишет в тексте, посвященном проблеме начала сознания: «Я «создается»; появляется «непостижимый толчок», [появляются] различные ощущения, аффектации, [направленные] на Я, реакции, Я-акты... и т. д.».³⁸ Проникает ли вместе с тем в пра-течение что-либо чуждое извне? Что означают слова о «непостижимом толчке», которыми Гуссерль подхватывает слова Фихте?

Несомненно, этот толчок не может пониматься как такой, который каждый раз совершается снова и снова, подобно тому, как у Декарта Я в его единстве постоянно поддерживается богом; так как в таком случае течение предполагалось бы уже как событие в бесконечном времени. Но время должно конституироваться лишь в течении. Стало быть, толчок может пониматься только как *не-темпоральный*. При этом не следует полагать, что каждая аффектация в отношении течения является случайной. Не каждая, возникающая в генезисе аффектация, совершается посредством этого толчка. Любая гиле есть, более того, уже «седиментированная история».³⁹ Нетемпоральность толчка может только означать: он есть *абсолютная фактичность* (Faktizität). Она *не случайна* в смысле *factum brutum*, так как различие случайного и необходимого есть само уже некое конституированное [различие], она возникает из рефлексии над условиями становления. *Таким образом, в абсолютной фактичности пра-течения нет случайности.* Но то, что оно есть, не следует также понимать в качестве необходимости, поскольку все усмотрения необходимости добываются посредством эйдетической вариации. Это также по другую сторону альтернативы общего и определенного, эйдоса и факта. И поскольку пра-импрессиональное течение идет впереди, и таким же образом «Я» идет впереди в том, подчеркнутом Гуссерлем, эквивокальном смысле, то *бытие любого Я — как и пра-течение — есть равным образом абсолютная фактичность.* Это [пра-течение] не есть событие какого-то мира, но того мира, который непосредственным образом есть для нас ничто другое, как каждый раз *мой* мир, как и для Другого *его* мир, через который проходит насквозь равным образом все

³⁸ Phänomenologische Psychologie. S. 487.

³⁹ Aguirre. S. 161 ff.

пра-течение. Так, мир, который я переживаю как единственный в своем роде, коррелятивен миру, который все другие переживают как собственный, и который есть единый общий мир.

Таким образом, размышление над способом, каким конститутивное событие может мыслиться как креативное, никоим образом не приводит лишь к негативным определениям, так сказать, к некоторой негативной теологии, но [напротив —] к обоснованию того, что наличное бытие [Dasein] каждого в качестве единого и единственного [в своем роде] не выводимо из некоего события, которое лишь позволяет возникнуть обособлению. Напротив, оно само абсолютно; и *только так могут пониматься в генезисе становящиеся субъекты как субъекты абсолютной ответственности, и только так учение Гуссерля о конституировании есть основание некой философии абсолютной ответственности.*

Перевод с немецкого *Н. Артеменко*

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

Статья Л. Ландгребе посвящена рассмотрению малоизученной в отечественной философской литературе проблематике пассивного конституирования и пассивного синтеза у Э. Гуссерля. Исследование этой проблемы является в значительной степени решающим для понимания гуссерлевской феноменологии как своего рода трансцендентальной философии. Автор статьи — известный феноменолог, создатель феноменологического кружка для исследования философии Э. Гуссерля — обращает внимание, что понятие конституирования у Э. Гуссерля колеблется между смысло-образованием и сотворением. Причем двусмысленность понятия конституирования проявляет себя в отношении к пассивному конституированию и пассивному синтезу. В учении о конституировании автор исследования пытается усмотреть те пункты, в которых это колебание значения становится очевидным и оправданным.

Людвиг Ландгребе (Ludwig Landgrebe) (9.III.1902 — 14.VIII.1991) — видный феноменолог, историк современной немецкой философии, один из ближайших учеников Э. Гуссерля, наряду с Ойгеном Финком считается представителем трансцендентального направления в феноменологии. Изучал философию, историю и географию в Вене (с 1921 г.); с 1923 г. — изучал философию во Фрайбурге, работал ассистентом Э. Гуссерля (1923–1930 гг.). В 1927 г. — защитил докторскую диссер-

тацию «Теория наук о духе В. Дильтея» под руководством Э. Гуссерля. С приходом к власти нацистов покинул Германию, преподавал в Праге и Лувене: 1935 г. — получил доцентуру в Немецком Университете в Праге у Оскара Крауса; 1939–1940 г.г. — вместе с Ойгеном Финком работал в архиве Гуссерля в Лувене (Бельгия). После окончания войны — профессор в Гамбурге, Киле; с 1956 г. — получает должность ординарного профессора в Кёльне, где работал также директором Гуссерлевского Архива наряду с Элизабет Штрёкер и Клаусом Дюзингом. Создает феноменологический кружок для исследования философии Гуссерля. После выхода на пенсию — читает лекции в университетах Чикаго, Вашингтона и др. Один из редакторов многотомной исследовательской серии «Phaenomenologica», публикующей сочинения тех, кто так или иначе примыкает к феноменологическому движению. Известен также как редактор и издатель работы Гуссерля «Опыт и суждение» (*Husserl E. Erfahrung und Urteil.* 1939).

Работа над рукописями Э. Гуссерля по трансцендентальной логике и генетическому анализу сознания определила круг исследований Л. Ландгребе. Основное внимание он уделяет проблемам конституирования, жизненного мира, историчности сознания. Ряд его работ посвящен анализу феноменологического метода и истории феноменологического движения.

Основные сочинения: Wilhelm Diltheys Theorie der Geisteswissenschaften // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung / hrsg. von E. Husserl. 1924. Bd. 9. S. 237-366; Philosophie der Gegenwart. Bonn, 1952; Phänomenologie und Metaphysik. Hamburg, 1949; Der Weg der Phänomenologie. Gütersloh, 1968; Phänomenologie und Geschichte. 1968; The Phenomenology of Edmund Husserl (Essays). Ithaka; New York, 1981; Faktizität und Individuation. Studien zu den Grundproblemen der Phänomenologie. Hamburg, 1982.

Словарь основных понятий

Auffassung	схватывание
«Ontifizieren»	«онтификация»
«Sache selbst»	«сами вещи»
«Walten im Leibe»	«управление-в-теле»
«Walten-können»	(сознание) «мочь-управлять» (в теле)

Bewährungsquelle	источник верификации
Bewußtsein des «Ich-kann»	сознание «Я-могу»
Bewußtseinsleben	жизнь сознания
Bewußtseinsstrom	поток сознания
das Ich	Я
das letztfungierende Ich	последнее функционирующее Я
das personale Ich	персональное Я
das stellungsnehmende Ich	позиционирующее Я
das urströmende Geschehen	протекающее прото-событие
die stehend-strömende	пребывающе-текущее
Selbstgegenwart	самоприсутствие
die urphänomenale Gegenwart	пра-феноменальное настоящее
Eigensphäre	сфера собственного
ein einzigartig Eigenes	нечто единственное в своем роде
	особенное
ein Innerliches	внутреннее
ein System von	система способностей-
Vermöglichkeiten	возможностей
Empfindungsdaten	чувственные даты
Erleben	переживание
Erlebnis-Verzeitlichung	овременение-переживания
Erscheinenlassen	допущение-явиться
Für-mich-selbst-sein	для-меня-самого-бытие
Fungieren	функционирование
Gegebenes	данное
Gegenstand-Machen	опредмечивание
Gemeinschaftsbeziehung	отношения-общности
Geschehen	событие
Ichleistung	Я-исполнение
ichliche «Leistung»	яйное «исполнение»
Identität	тождественность
Inbegriff	совокупность
Innesein	осознанность
Innewerden	осознавание
kinästetisch	кинэстетический
Könnensbewußtsein	сознание-можествования

Konstitutionsleistungen	конститутивные исполнения
leibbezogen	относящийся к телу
Leiberlebnisse	переживания-тела
Leibgefühl	чувство-тела
Leibkonstitution	конституирование тела
Leiblichkeit	телесность
Leisten	процесс исполнения
Nach-Gewahren	обнаружение-после
Seinssinn	бытийный смысл
Selbstgewissheit	самодостоверность
Selbstsein	само-бытие
Sinnbildung	смысло-образование
Sinngebung	смысло-придавание
Strömen	течение
Strömenlassen	допущение протекания
Strom	поток
Tiefendimension	глубинное измерение
Tondatum	данность звука
überzeitlich	над-временной
unzeitlich	не-временной
Urbedingung	первичное условие
Urimpression	первоначальная импрессия
Urkonstitution	пра-конституирование
Urpassivität	пра-пассивность
Urphänomen	пра-феномен
Urquelle	первооснова
Urseiendes	пра-сущее, первосущее
ursprünglich	первичный
Urströmen	пра-течение
Urvermögen	пра-способности
Vereinzelnung	принцип обособления
Verfügenkönnen	можествование-распоряжаться
Verzeitlichen	овременение
Vollzieher	исполнитель
Vollzug	осуществление, исполнение
Vorkonstitution	до-конституирование

Vorzeitigung
Zeitbildung
Zeitigung
Zeitlichkeit

пред-временение
время-образование
временение
временность